

УДК 30+32

**Виктор Сергеевич Мартьянов**

кандидат политических наук, доцент  
ученый секретарь  
Учреждения Российской академии наук  
Института философии и права  
Уральского отделения РАН  
г. Екатеринбург (343) 362-81-42  
martianovy@rambler.ru

## **В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА<sup>1</sup>**

В статье рассматривается проблема исторической эволюции парадигмы Модерна от европоцентричной, национально-территориальной к его глобальной, космополитической версии. Показано, что парадигма Модерна продолжает совершенствоваться, что не позволяет отнести Модерн к числу закрытых исторических эпох. Наоборот, Модерн анализируется как дрящийся, «незавершенный проект» современности взятой в ее политическом измерении. Аргументируется идея, что Модерн несмотря на убедительную постмодернистскую критику остается базовой политической парадигмой для легитимации и описания глобальной политической современности. А различные культурные, постмодернистские, экологические и иные нарративы, противопоставляемые Модерну, не обладают равной с ним степенью универсальности и легитимности в глобальном.

Модерн, легитимация, парадигма, современность, евроцентризм, космополитизм, глобализация, постмодернизм.

Модерн является доминирующей формой политического самоописания современности, равно как и включаемые им аналитические единицы институционального (нации, государства, классы, партии, профсоюзы, автономные личности, граждане и пр.) и нормативного (свобода, справедливость, равенство, права человека, общественный договор и пр.) уровней базового политического словаря, принимаемого большинством исследователей за самореферентный в отношении запечатленной в нем реальности.

За последние два столетия Модерн как парадигма политического мышления, призванная осмыслить и легитимировать состояние политической современности, пережил ряд принципиальных трансформаций. Например, классическая институциональная политическая форма Модерна периода буржуазных революций и европейской индустриализации первоначально была облечена в политическую форму суверенной нации-государства, значимые политиче-

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 10-03-83301а/У.

ские решения в которой опираются на развернутую систему представительства широких социальных (классовых) интересов [9, с. 39-73]. Однако процессы глобализации экономических рынков и политических пространств, формирование постиндустриальных секторов мировой экономики, аутсорсинговая взаимозависимость «плоского мира», растущие вызовы государству со стороны глобальных и региональных акторов, критика моделей территориального суверенитета, нации, демократического представительства, «великих идеологий» и социальных классов как ключевых нарративов легитимации первого Модерна обусловили необходимость корректировки представлений и концепций, релевантных для позднего Модерна. По сути эти изменения и противоречия, ставшие объектом постмодернистской критики, лишь укрепили Модерн. Представляется, что Модерн можно описывать как длящийся и открытый для изменений проект, не имеющий достойных конкурентов аналогичного уровня универсализации и не утративший своей легитимности в актуальном контексте «культурной логики позднего капитализма» [12].

В историческом аспекте США и Европа воплотили две институциональные модели западной модерности, берущие начало со времен Великой французской революции и Войны за независимость. Аналогичное пространство глобально расколота модерности представляли в период биполярности Европа и США с одной стороны и блок советских стран - с другой. Обе версии нормативно и институционально претендовали на глобальную современность и монополизацию будущего, объявляя своих противников в отсталости, будь-то обвинения в тоталитаризме и недостатке демократии, или в тупиковых пределах развития рыночного капитализма, отчуждающего человека от продуктов его труда, который неизбежно будет трансформироваться в мировом масштабе в следующие стадию общественного развития – социализм и коммунизм.

В XX в. значительная часть человечества успешно реализовала различные национальные формы перехода к классическому Модерну, связанные с процессами урбанизации, индустриализации, индивидуализации и демократизации общества. Данная модель классического Модерна успешно работала в политической форме привычных наций-государств. Однако эффективности последних брошен серьезный вызов со стороны актуального мегатренда развития человечества – комплексных процессов глобализации, инициированных прежде всего в области экономических институтов капитализма.

Относительное ослабление наций-государств в глобальном мире провоцирует новые вызовы и угрозы привычной модели национального Модерна со стороны суб- и наднациональных интересов и субъектов – экономических, этнических, религиозных. В то же время объединение локальных политических пространств, торговли и финансов, выравнивание стандартов и законодательства, укрупне-

ние производственных цепочек и процессов в условиях подключения к глобальному пространству неизбежно уводит на второй план домодерновые различия модернизирующихся обществ. Поэтому окончательная консолидация и переход к мировым экономико-политическим стандартам Модерна происходит в виде присоединения разной степени успешности наций и локальных политических образований к глобальным правилам, стандартам, институтам. В условиях глобализации Модерна успешность и конкурентоспособность любого общества будет зависеть от того, насколько эффективные институциональные и ценностные модели включения в глобальный Модерн они смогут выработать.

Конец биполярного мира как диалога двух альтернативных версий глобального Модерна (капиталистической и социалистической) на некоторое время показался торжеством однополярного мира и модели Модерна, основанной на довольно ограниченной интерпретации победителями холодной войны мирового «либерального консенсуса» как легитимирующей основы Модерна [7, с. 93-107]. Однако быстрое и успешное развитие новых моделей современного общества в разных регионах постбиполярного мира, которые нельзя назвать ни чисто либеральными, ни социалистическими, относительно быстро развеяло иллюзии о конце истории как торжестве универсальной для всех модели Модерна в пользу концепций, связанных с плюрализмом модерностей, не связанных между собой отношениями исторической или нормативной иерархии [10, с. 1-29]. Соответственно отношения разных теорий Модерна начинают складываться не столько по модели конфликта и иерархии современных ценностей и воплощающих их норм и институтов, сколько как отношения нормативной и институциональной интерпретации базовых современных ценностей, реализуемых в различных общественно-исторических и культурных контекстах.

В условиях распространения асимметричных принципов капитализма обусловивших коллапс традиционной морали поиск новых ценностных обоснований политических решений начал приобретать все большее значение. Именно проект Модерна, призванный осмыслить современность, стал способом обоснования и легитимации политических решений в условиях капитализма, будучи призван хотя бы паллиативно сгладить присущий последнему аморализм принципа бесконечного накопления капитала. Модерновая апелляция к народному суверенитету, к индивидуальным свободам и принципам коллективной автономии гражданского общества потребовала рациональных политических аргументов, обращенных к обществу в целом и каждому гражданину в отдельности, а не только к элитам, часто не замечающим роста общественного неравенства, выгодного для коллективной автономии правящих, которые составляют меньшинство. Одновременно в условиях либеральной демократии росла

политическая значимость моральной аргументации со стороны тех, кого капитализм вытеснял на периферию общественной жизни, повергая в экономическую зависимость от поднимающегося класса буржуазии, что в итоге обусловило тотальное моральное преимущество левых политических сил в XX в., обративших внимание на недостаточность индивидуальной автономии как основания политического порядка Модерна. И эта недостаточность привела к кризису классического либерализма, который при превращении из восходящей утопии в идеологию начал терять былую легитимность, что в свою очередь определило эффективность последующей критики либерализма с позиций коммунитаризма, будь то национализм, традиционализм или социализм.

Кризис универсальности первоначальной модели Модерна, связанной с культурно-историческим и географическим европоцентризмом и классовой, индустриальной эпохой «фабричных труб», оказался особенно очевиден вместе с гибелью советской, социалистической модели Модерна. Социальная онтология опередила в своем развитии устаревшие теоретические означающие, обозначающие скорее исторические реалии, нежели адекватные современным политическим процессам и направлениям актуальных социально-политических изменений. Новейшие постмодернистские теории во многом представляли собой интеллектуальную реакцию на оптимистический проект Модерна, который все еще не охватывает значительную часть мира, а сохраняющееся мировое неравенство вызвало необходимость объяснения моральных и материальных издержек глобализации модернистского проекта. В результате критика реализации принципов и целей Модерна переросла в отрицание легитимирующего либерально-капиталистического общества метанарратива Модерна как слишком глобального проекта, оборачивающегося тотальным принуждением всего человечества к всеобщим целям, ценностям и институтам, которые на практике оказались не столь универсальны, как казалось ранее.

Постмодернистская критика институционально единообразной транзитологии или теории модернизации как перехода к Модерну в виде ряда неизменных и универсальных институтов, а также непредзаданность подобного прогрессистского перехода, как и необязательность тех или иных его ценностей и институтов в различных успешных моделях модернизаций, привела к усложнению понимания реального состояния Модерна: «Отсюда, собственно, и начинается разговор о модерности (*modernity*) как таковой – постепенно заменяющей в общественных науках понятие «современного общества» (*modern society*). Активное использование этого термина, таким образом, началось сравнительно недавно и связано, главным образом, с тем переосмыслением модернизации, которое можно обнаружить в работах Шмуэля Айзенштадта, Питера Вагнера, Йохана

Арнасона, Чарльза Тэйлора и других сторонников теорий «множественных» (*multiple*), «плюральных» (*plural*) и прочих модерностей» [8, с. 61].

Рискнем утверждать, что в сфере критики современных теорий источником дальнейшего развития Модерна стал именно постмодернизм, предложивший способы критического самоописания, системной дифференциации и самоусложнения Модерна. В категориях Н. Лумана постмодернистские теории являются условием «автопойэсиса» (самовоспроизводства) и самосовершенствования [6, с. 104-121], а вовсе не тем, что придет на смену Модерну. Это всего лишь критика изнутри Модерна, так и не создавшая альтернативную ценностную универсальность. Поэтому отказ от метанарративов, предлагаемый Ж.-Ф. Лиотаром [5, с. 7-10] на практике вместо освобождения от авторитетов влечет утрату легитимности интеллектуальных и институциональных конструкций, позволяющих сложному обществу Модерна существовать. Обычные нарративы и идеологемы ничего в обществе Модерна не легитимируют, так как их продуцируется слишком много, чтобы они смогли консолидировать общество, которое уже никто и никогда не охватит одной идеологией, мифом, нарративом.

Более того саму парадигму Модерна можно разложить на ряд эволюционных этапов, как и сам длящийся политический проект Модерна. Например, С.А. Кравченко утверждает, что Модерн составляет метапарадигму описания современного общества, причем на каждом новом этапе Модерна требовалась и новая интегральная метапарадигма в социально-аполитических науках: «интерпретивная метапарадигма (М. Вебер, А. Шютц и др.), отражавшая представления об альтернативности социума, плюрализме субъективно сконструированных миров, выступала как модерн по отношению к обществу с линейным развитием и позитивистской метапарадигме, утверждавшей “универсальные” законы и обратимость общественного развития. Под влиянием ускоряющейся социальной и культурной динамики шло становление *иного* социума, все более открытого и динамичного, подверженного флуктуациям. Соответственно, этот социум стал новым модерном. Для его теоретической интерпретации была создана и востребована интегральная метапарадигма (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон)» [4, с. 24]. А вслед за интерпретивной и интегральной метапарадигмами для описания и анализа глобального Модерна пришла очередь метапарадигмы рефлексивной, разработанной Э. Гидденсом.

Согласно Э. Гидденсу, фиксирующему направления ключевых изменений общества и человека в глобальном мире, свойства позднего или радикализованного Модерна заключаются в том, что он фокусирует внимание на институциональное развитие, которое создает чувство фрагментации и распада; рассматривает Я как нечто

большее, чем место пересечения социальных сил; благодаря модернити становятся возможными активные процессы рефлексивного создания собственной идентичности; утверждает, что универсальные черты, которые характерны для притязаний на истину, неизбежно подталкивают их к признанию приоритетности проблем глобального характера; утверждает, что координированное политическое участие возможно и необходимо как на глобальном уровне, так и на местном (локальном); рассматривает пост-модерн как возможную трансформацию, идущую «по ту сторону» (выходящую за пределы) институтов модерна [11, р. 150].

Представляется, что наблюдения Гидденса о такой существенной характеристике радикального Модерна, как распространение на все общество рефлексивной социальности, недостаточно, чтобы говорить о возникновении новой «рефлексивной» парадигмы общества, сменившей парадигмы интерпретативные и интегральные. Скорее можно говорить об эффекте расширения Модерна на весь глобальный мир, когда рефлексивный индивид, сформированный урбанизированным социальным пространством, начинает количественно преобладать над формами социальности, типами поведения и культуры, требующими для своей легитимации авторитета некой абстрактной коллективности. Более того, именно привычные формы коллективности претерпевают наибольшее давление изменяющихся обстоятельств. В данном случае мы можем параллельно наблюдать на уровне социальной макротеории попытки концептуального оперирования миром и человечеством в целом, обусловленные глобализацией. В то же время популярен тренд к микросоциологии, ориентированной на перспективу социального видения с позиций индивида. Обе тенденции приводят к провисанию эффективности всех привычных социальных мезоструктур, опосредующих отношения между людьми и собственно составляющих социальное и политическое – семья, партия, классы, профсоюзы, нация и пр.

Анализируя концепцию радикализованного Модерна как актуальную стадию его развития, ведущую к масштабному изменению всей привычной социальности, в том числе в направлении отрицания многих черт предшествующих этапов Модерна, Э. Гидденс не останавливается на фиксации ключевых черт позднего, глобального Модерна. Он пытается выделить те изменения и процессы, которые в неопределенном будущем могут прийти ему на смену в виде концепции постмодерна, которая, представляя нечто вроде теоретической изнанки или негативной стороны радикализованного Модерна, может характеризоваться следующими чертами: постмодерн понимает текущий переход (трансформацию) в терминах эпистемологии или как распадающуюся эпистемологию; фокусируется на центробежных тенденциях в актуальных социальных трансформациях и подчеркивает смену их локуса (то есть то, что они смещают-

ся в социальном пространстве, например, они происходили в рамках одних институтов, теперь в других; или теряют значимость, статус; или идут на другом уровне; Я (субъективность, самость) рассматривается в качестве рассеченного, разорванного фрагментированным опытом; высказывается за контекстуальность претензий на истину, рассматривая их как «исторические»; теоретизирует бессилие, которое индивиды ощущают перед лицом глобализации; говорит о выхолащивании (опустошении) повседневной жизни, которая происходит в результате вторжения абстрактных систем; считает, что координированное политическое участие исключено привилегированным положением контекстуальности и распада (рассеяния, рассредоточения) прежних социальных структур и институтов; определяет постмодерн как конец эпистемологии /индивидуалистической этики [11, р. 150].

Несмотря на достаточно обтекаемые признаки, с помощью которых Гидденс описывает признаки радикализованного Модерна, представляется, что альтернативные попытки институционального определения Модерна, как правило, превращаются в классифицирующий перечень фоновых процессов и институтов, наличие которых позволяет отнести то или иное общество к Модерну. Вот одно из характерных «номенклатурных» определений Модерна через перечисление его внешних признаков: «Модернити» ... представляет определение «современного общества», включающее такие характеристики социальной системы, как индустриализация, урбанизация и рационализация социально-трудовых отношений; рыночная экономика, основанная на homo economicus и внутреннем импульсе к своему росту; бюрократизация государства; плюралистическая политическая система; секуляризация и смещение на периферию общественной жизни религии; умножение и дифференциация институтов и социальных ролей; индивидуализация как тип социальной консолидации субъектов, осознающих свои способности и право выбора» [1, с. 47-50]. Однако любой перечень признаков Модерна не является бесспорным. Модерн продолжает меняться, а его ценностное ядро вовсе не тождественно дискурсу модернизации, предназначенному в свое время для бывших колоний и отождествляющему современность с какими-либо «финальными» историческими институтами демократии и рынка, либо процессами бюрократизации государства, урбанизации или плюрализации общества «...из ценностных ориентаций политической модерности не следует однозначно какая-то определенная институциональная форма политики. Такая ценностная ориентация не только открыта для интерпретаций, но и сущностно неопределенна и содержит глубокие противоречия. Соответственно, и существующие государства, ориентирующиеся на эти ценности, на самом деле основаны на различных подобных интерпретациях» [2, с. 23-24]. Идеальная нормативная рефлексия Модерна не может быть присвоена каким-либо одним теоретическим или практиче-

ским политическим субъектом в условиях присущего ему перманентного «конфликта обоснований» (П. Вагнер), выступающего как важнейшая характеристика ситуации Модерна. Это проблема поиска актуального компромисса, опирающегося на доступные значимым участникам общественного диалога цели и возможности.

Более того, исходные гипотезы о Модерне могут быть организованы совершенно разными междисциплинарными исследовательскими кодами и подходами. Например, в отличие от Гидденса, фиксирующего процессуальные тенденции позднего Модерна, влиятельный исследователь Модерна П. Вагнер предпринимает попытку сформулировать политическую концепцию Модерна как переплетение четырех разных нарративов: свободы (индивидуальное политическое самоопределение), демократии (коллективное политическое самоопределение), государства (политическая форма нации) и революции (осмысление проблемы социальных изменений) [2, с. 27-33]. Указанные нарративы являются взаимодополняющими и в то же время конфликтующими, предполагая исследовательский акцент на разных ценностях и сторонах концепции Модерна, которую «можно рассматривать скорее как компромисс, достигнутый в результате баланса противоречивых требований свободы, государственности и демократии, а также поисков более справедливого политического порядка» [2, с. 36].

Представляется, что конфликт и интерпретация перечисленных нарративов Модерна в настоящее время осуществляются в аспекте еще одного процессуального нарратива, всесторонне на них влияющего, – глобализации, которая трансформирует как базовые политические ценности либерализма, автономии гражданина, демократии и прав человека, так и привычные политические формы развертывания этих ценностей в виде суверенных наций-государств и их социально-политических институтов. Наконец, еще одним нарративом Модерна может быть нарратив культурной (цивилизационной) трансформации [14]. Особенно когда Модерн пытаются отождествить с культурной теорией (Эйзенштадт) или цивилизационным проектом, приобретающим черты универсальности. Такова устойчивая иллюзия раннелиберального дискурса Модерна, которая заключалась в том, что рационализированный индивид свободен относительно своей культуры и способен рефлексировать ее ценности в разных контекстах, в то время как «варвар» или представитель традиционного общества или иной цивилизации живет в своей культуре, некритично подчиняясь ее нормативным требованиям. Поэтому индивид эпохи модернити имеет моральное и культурное преимущество перед представителями домодернового общества и полное право выполнять в отношении их цивилизационную функцию, до тех пор пока они не обретут этос современности. Однако парадокс состоит в том, что «Цивилизационный дискурс, таким обра-



зом, совершенно сливается с дискурсом модерности» [8, с. 74], хотя модерность в такой интерпретации декларирует именно как свободу от подобного культурно ограниченного дискурса.

Как справедливо отмечает Б. Капустин, критики Модерна с позиций цивилизационного дискурса «приписывают “цивилизационному ядру” Запада в качестве “ценностей” те этико-политические явления и институты (верховенство закона, демократический выбор, гуманистические принципы, либеральные права, представительное правление и т.д.), которые в действительности были *специфическими продуктами Современности*. Тем самым производится *узурпация* «западной цивилизацией» нравственно-политического содержания Современности, в правах на которое и даже в возможности причастности которому *в будущем* другим «цивилизациям» отказано (ведь оно – уникальное достояние лишь «западной цивилизации»). Получается, что столкновение будто бы сравнительно *не оцениваемых* локальных «цивилизаций» все же оказывается противоборством нравственно-политической Современности, локально воплощаемой Западом, с нравственно-политической досовременностью, то есть отсталостью, представляемой всеми остальными «цивилизациями». Это и есть апология Запада» [3, с. 34-35].

Проблема в том, что любой, в том числе универсалистский по своей интенции модернистский дискурс, является ограниченным, так как имеет в своей основе ряд концептуальных ценностей, принятие которых одновременно является отказом от любых *иных*, альтернативных и антагонистических ценностей. Поскольку любые ценности субъективны, они не могут соотноситься между собой в логике развертывания всеобщего прогресса, закономерно замещающего в области морали одни ценности другими, более универсальными и «современными». Таковы аргументы, с помощью которых мультикультуралисты и постмодернисты обосновывают невозможность выполнения прогрессистских функций какими угодно социально-политическими концепциями и проектами, претендующими на тотальность.

Тем не менее глобализация может быть интерпретирована именно как нормативное и институциональное расширение Модерна на весь мир. И глобализация все яснее обнаруживает ограниченность и неуниверсальность первоначального Модерна, связанного с сакрализацией территориально-культурно-языковой общности людей как легитимирующей основы политического сообщества. Основы Модерна первой волны подразумевали довольно жесткие централизованные формы политического контроля, включая фискальные, бюрократические, образовательные, военные и иные методы эксплуатации и мобилизации населения, формы культурной, лингвистической религиозной и идеологической унификации все менее терпимые гражданами в эпоху ослабления значимости националь-

ного суверенитета и любых иных границ в новом «плоском» мире. Глобализация обусловила как расширение ценностной перспективы Модерна за горизонт конкретных наций, так и стирающееся различие принципов внутренней и внешней политики, их универсализацию. Но при этом начало Модерна имеет вполне ограниченное культурное, политическое, географическое происхождение. Эти особенности дополнительно смешиваются (и элиминируются) на транснациональном уровне с культурными особенностями внеевропейских мировых регионов, что лишней раз подчеркивает амбивалентность базовых ценностных оппозиций Модерна. Они не всегда взаимосвязаны между собой, поэтому ни одна из версий модернити не является нормативной или полной в сравнении с другими. Открытое, «незавершенное» пространство Модерна возможно и является его определяющей характеристикой, когда из этой незаконченности Модерна вырастает его потенциал изменений и приспособляемости к новым политическим пространствам и вызовам, когда концепция Модерна интегрирована на уровне проблематики, способов постановки и обсуждения проблем, но не окончательных ответов, каждый из которых в свою очередь может быть критически оспорен. В результате Европа и США демонстрируют в настоящее время лишь «одну из», но вовсе не нормативную политическую констелляцию Модерна, которая к тому же продолжает эволюционировать, будучи не тождественна ранней версии европейского Модерна. Тем не менее это не мешает апологетам «монолитной» модерности пытаться овеществить ценности и отождествить Модерн с некой идеализированной политической реальностью, наиболее полно реализующей ценности позднего Модерна [8, с. 76].

Вместе с тем Модерн не является монолитным проектом. На уровне как ценностного ядра, так и институциональной системы он содержит значительные внутренние противоречия, связанные с его развитием в качестве исторического проекта, обусловленного первоначально уникальной европейской историей и культурным опытом, а затем адаптируемого к иным культурно отличным регионам мира. Радикализация определенных ценностей, принципов и институтов модернизации могут оборачиваться свертыванием Модерна. Это наглядно показывают, с одной стороны, практика тоталитарных обществ и господства коллективной автономии, где элементы национально-культурного самоопределения и стремление к рационализации организации всех сторон жизни общества подавили важные для Модерна принципы субъектности и автономии личности, с другой – актуальные принципы мультикультурализма, толерантности, идентичности, ведущие к деуниверсализации и невозможности установления и функционирования общеобязательных социально-политических институций общества, подвергаемых постоянному пересмотру, критике и элиминации. Помимо неизбежного полити-

ческого напряжения между правами гражданина и коллективными правами нации (народа, государства) здесь возникает еще и политическое требование защиты особых прав меньшинств (культурных, религиозных, лингвистических, возрастных и т.п.), разрушающих универсум равных для всех индивидуальных и коллективных прав членов того или иного политического сообщества.

Соотношение индивидуальной и коллективной автономии является основой политической проблематикой позднего Модерна. Область реализации индивидуальной автономии представляет собой гражданское общество, в то время как формой реализации коллективной автономии является государство. Соответственно Модерн представляет собой динамическое политическое соотношение этих взаимодополнительных структур самоорганизации общества в области частных интересов, с одной стороны, и с другой – в сфере интересов коллективных, направленных к общему благу, которые оформляются в виде публичной сферы. При этом общество Модерна предполагает нарастающую дифференциацию институтов и общественных практик, достижения которых не могут быть конвертированы напрямую в другие области – власть, деньги, образование, авторитет, знание и т.п. И данное, время от времени пересматриваемое соотношение интересов индивидов и общества, может иметь довольно широкие вариации, не обязательно осуществляясь в пределах политической формы демократии, а тем более модели либеральной демократии, претендующей в трудах транзитологов на ценностное тождество с политической концепцией Модерна как такового.

Таким образом, не только центральная институциональная система Модерна вариативна в разных обществах на разных этапах развития, но и ценностное ядро Модерна может быть достаточно противоречивым, являясь предметом пересматриваемого время от времени консенсуса разных социальных сил. Это реализация общего и универсального в конкретном и частном, в историческом пространстве наций-государств, а затем и в глобализованном мире, процесс никогда не редуцируемый к некой идеальной, вневременной для всех обществ модели Модерна или типу взаимосвязи модерновых ценностей. Воплощение модерновых ценностей всегда развертывается в контексте как имманентного плюрализма и рефлексивности, так и разных способов легитимации и теоретической интерпретации политического Модерна. Несмотря на притязания этих ценностей на всеобщий характер отличие модернового состояния политики в том, что ценности уже не предзаданы традицией, а их универсальность и практическую значимость необходимо постоянно обосновывать в различных социальных, культурных, экономических и иных контекстах динамично меняющегося общества, где одной из главных ценностей служит само изменение в направлении трансцендентных целей.

Поэтому Модерн как развивающийся проект меняется сам в себе, приспосабливаясь к все новым вызовам и используя все новые возможности, но при этом сохраняя свое ценностное ядро. Ведущие специалисты по Модерну несмотря на значительные институциональные изменения, постоянно наблюдаемые вокруг, подчеркивают, что мы, обращаясь к окружающей нас современности, все же имеем дело с Модерном. Это – «сингулярная современность» у Ф. Джеймисона, «текущая современность» у З. Баумана, «гипермодерн» А. Турена или концепция «радикального Модерна» Э. Гидденса, но не то, что приходит Модерну на смену. Постмодерн, как оказалось, не обладает способностью генерировать универсальное и тотальное в области ценностей и целей; это – новое средневековье (П. Ханна, У. Эко); мировая децентрированная империя (М. Хардт и А. Негри), а тем более разнообразные утопические и фундаменталистские проекты, связанные с отрицанием капиталистической системы и надстроенного над ней либерального консенсуса, лежащих в основании легитимности Модерна.

\*\*\*

«Поздний» или глобализированный Модерн все менее соответствует культурно ограниченным теориям модернизации, пытавшимся выстроить универсальную иерархию Модерна в мировом масштабе, где страны центра миросистемы будут являть образцы «конца истории» для вечно отстающей периферии, стремящейся к капитализму, демократии, либерализму, формированию нации-государства, рациональной бюрократии, автономии индивида, распространению политического самоуправления, выделению автономной публичной сферы и т.д. Однако особенности моделей форсированной модернизации незападных регионов мира, как и примеры радикальной демодернизации стран бывшего пространства СССР, эмпирически опровергли тезисы о неизменности культурной и институциональной модели движения всех регионов мира к культурной модели Модерна, представленной Западом, а также поставили под вопрос институциональную и культурную форму, саму неизбежность и односторонность подобного движения. Наконец, развитие концепций Модерна вне ареала его исторического происхождения представляет новый самоценный опыт, формирующий оригинальные структуры и этос новых эффективных моделей Модерна, в том числе серьезно противоречащих тем или иным его исходным историческим постулатам, но в то же время открытых для дальнейших интерпретаций и изменений.

Рассмотрение проблемы исторической эволюции парадигмы Модерна от европоцентричной, национально-территориальной к его глобальной, космополитической версии позволяет сделать вывод, что парадигма Модерна в общественных науках продолжает совершенствоваться. Это не позволяет отнести Модерн к числу закрытых

исторических эпох. Наоборот, Модерн остается длящимся, «незавершенный проект» [13] современности взятой в ее политическом измерении. Таким образом, Модерн несмотря на убедительную постмодернистскую критику остается базовой политической парадигмой для легитимации и описания глобальной политической современности. А различные культурные, постмодернистские, экологические и иные нарративы, противопоставляемые Модерну, не обладают равной с ним степенью универсальности и легитимности в глобальном мире, что позволило бы утверждать о вытеснении ими Модерна из политического настоящего на периферию истории.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Али-заде А.А. Зоннтаг Х., Контрерас М., Биарде Ж. Развитие как модернизация и модернити (реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал, 2002. № 2. С. 47-50.
2. Вагнер П. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии, 2009. Т. 12. № 2. С. 21-57.
3. Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология, 2009. № 3. С. 23-48.
4. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // СОЦИС, 2009. № 1. С. 24-34.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.
7. Мартьянов В.С. Нормы как продолжения интересов: опыт СНГ и России // Свободная мысль, 2007. № 2. С. 93-107.
8. Хомяков М.Б. Модерность: пути к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии, 2009. Т. 12. № 2. С. 58-83.
9. Циммер М. Эпоха модерна: государство и международная политика. Реферат // Отечественные записки, 2008. № 45. С. 39-73.
10. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus, 2000. № 129. P. 1-29.
11. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1996. 186 p.
12. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism, 1991. 470 p.
13. Kolakowski L. Modernity on Endless Trial. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 267 p.
14. Thompson J.B. Ideology and modern culture. Oxford: Polity Press, 1990. 353 p.

#### RESUME

**Victor Sergeevich Martyanov**, Candidate of Political Science, associate professor, Scientific Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 362-81-42 martianovy@rambler.ru

#### In Search of the Paradigm of Late Modernity

The article discusses the problem of historical evolution of Modernity paradigm from its national form embedded in European context towards its global, cosmopolitan version. The article argues that the Modernity paradigm is still developing, which makes impossible to define Modernity as a finished, closed epoque. On the contrary, Modernity in its political dimension is understood as continuing and open project. It is

argued that, in spite of massive post-modernist critics, the Modernity remains the basic political paradigm than legitimizes and describes contemporary political universe. Various cultural, posts-modernist, ecological and other discourses seen as alternatives to Modernity do not obtain the comparable degree of universality and legitimacy.

Modernity, legitimacy, paradigm, cosmopolitanism, globalization, post-modernity, Europe.

Материал поступил в редколлегию 6.10.2010 г.